

Ю.А. Виноградов

«СЧАСТЛИВАЯ АРАВИЯ». ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Эссе представляет воспоминания автора о серии экспедиций в Южную Аравию — в Народно-Демократическую республику Йемен (Южный Йемен) в 80-е и в уже объединенную Республику Йемен в 90е и 2000е. Воспоминания полны впечатлений о последствиях нескончаемых вооруженных конфликтов, преследующих страну.

Ключевые слова: Йемен, вооруженный конфликт, мемуары.

Jouri A. Vinogradov

“ARABIA FELIX”. WAR AND FIELD MEMORIES

The essay presents the author's memories of a series of his expeditions in the South Arabia — in the People's Democratic Republic of Yemen (South Yemen) in the 80s and, already in the 90s and 2000s, in the united Republic of Yemen. The memories are full of impressions produced by the consequences of the armed conflicts that are constantly besetting the country.

Key words: Yemen, armed conflict, memoirs.

Я не знаю людей, которые, посетив Йемен, не сохранили бы об этой стране самых теплых воспоминаний. У всех незабываемые впечатления связаны с доброжелательностью и приветливостью йеменцев, красотой южноаравийских пейзажей, необычной архитектурой старинных городов и т.д. Эти впечатления уже неоднократно в той или иной мере проявились на страницах публикаций участников советско-йеменской (российско-йеменской) комплексной экспедиции (СОЙКЭ) [Родионов 1988; Виноградов 2009].

В составе этой знаменитой экспедиции я попал в Южный Йемен (Народно-Демократическую Республику Йемен) в 1985 г., где и познакомился с юбиляром. Конечно, обаяние этого уголка земли проникло в мое сердце практически с первого дня. Отношения между людьми, проживающими в этом выжженном солнцем крае, показались мне столь замечательными, что общеизвестное определение Йемена как Счастливой Аравии стало представляться вполне закономерным; более того, Йемен иногда казался мне «Страной блаженных» или чем-то в этом роде. Насколько это представление оказалось обманчивым, продемонстрировали дальнейшие события.

В 1986 г. СОЙКЭ должна была отправиться в Аден из Москвы в середине января. Незадолго до вылета мы узнали из выпуска новостей, что в столице Южного Йемена идут боевые действия, в результате которых имеются человеческие жертвы. На экране даже промелькнул небольшой сюжет, снятый в аденском порту с борта корабля. Было видно, что в городе полыхали пожары, от чего становилось понятным, что дело там заварилось нешуточное. Некоторые из ответственных работников аппарата Академии наук, правда, при этом полагали, что ничего страшного не происходит, вскоре всё успокоится и надо просто подождать. Более информированные сотрудники посольства в Адене, однако, сообщали, что «с улиц еще не убрали трупы». В общем, в Йемен в этом году мы отправились только в марте.

День 13 января 1986 г. в йеменскую историю вошел как «Кровавый понедельник» [Aden's 1986]. Тогда руководитель республики и глава социалистической партии Али Насер Мухаммед (о нем см. [Наумкин 2003: 10, 142, 175, 224–225 и др.]) решил расправиться со своими оппонентами, попросту уничтожить их. Расправиться надо было не только с оппозиционной верхушкой,

но и с ее сторонниками (а это означает — земляками) в столице. Задуманный им план не удался, противники сумели привлечь на свою сторону часть армии. В стране началась настоящая гражданская война, проходившая, как и все прочие гражданские войны, с большим ожесточением — расстрелами на улицах, уничтожением госпиталей и т.д. В этом страшном противостоянии победили оппозиционеры, а Али Насер вынужден был бежать из страны. Война продолжалась всего неделю, но стоила очень больших по йеменским масштабам жертв. Граждане испытали тогда настоящий шок, отойти от которого было совсем непросто.

В марте 1986 г. столица Южного Йемена выглядела весьма жалко. Вряд ли стоит много говорить о разрушенных зданиях, сгоревших автомобилях или изрешеченных пулями автобусах — это обычные последствия военного противостояния в городе. Меня больше удивило другое: по улицам Адена бегали стайки мальчишек, смастеривших из деревяшек подобия автоматов. Они с увлечением играли в войну! Для нас, детей первого послевоенного поколения России, такая игра кажется вполне естественной, но в Йемене я такое увидел впервые. Там ребятня в любом удобном (и даже неудобном!) месте обычно гоняет мячик. Как видим на этом примере, бытие все-таки определяет сознание.

Немного позднее, когда мы начали археологические раскопки в Хадрамауте, случилось еще одно событие, которое можно было бы назвать пустяшным, но я его все-таки упомяну. Двое местных рабочих, сильно заспорив, вдруг начали мутузить друг друга кулаками. Год назад ничего даже отдаленно напоминающего подобную агрессивность заметно не было. Да, со «Страной блаженных» тогда произошло что-то неладное...

От боевых действий в Адене серьезно пострадал городок советских специалистов, помогавших йеменскому народу строить социализм. Досталось и нашей базе, расположенной в отдалении от этого городка, на берегу Индийского океана. Базой я называю деревянный барак, окрашенный голубой краской и расписанный нашим архитектором Ю.Ф. Кожиным. Барак был вполне комфортабельным и даже уютным, недаром мы его порой называли «лучезарным». В марте 1986 г. перед ним на поверхности земли были отчетливо видны следы танковых гусениц. Вероятно, танки производили здесь некие маневры, и по ним был открыт артиллерийский огонь. Выпущенные снаряды, скорее всего, в цель не попали,

но угодили в наш барак. Два снаряда взорвались на крыше, при этом один из них — прямо над моей комнатой. Зайдя в нее, я увидел иссеченную осколками мебель, свою вельветовую курточку, оставленную висеть на гвоздике и превратившуюся в тряпье. На полу валялся китайский фонарик, который абсолютно не пострадал и даже работал.

База, естественно, была разграблена. В коридоре были разбросаны бумаги, разорванные книги и пр. Среди этого вороха я заметил красную папочку, в каких наши чиновники любят носить документы на подпись начальству. Зачем-то взяв и открыв ее, я увидел в ней фотографию человеческого черепа. Вероятно, археологи нашли его во время раскопок, а затем сделали этот снимок. Снарядный осколок угодил ему точно промеж глазниц. В общем, здесь была поражена не просто давно ушедшая жизнь, но и ее позднее отражение.

Вообще же снарядные осколки в коридоре были рассеяны в немалом количестве. Когда-то горячие куски металла влипли в пол, покрытый линолеумом. Сверху осколки успели заржаветь, что не удивительно в условиях агрессивной воздушной среды побережья Индийского океана, но снизу они были «новенькими», почти блестящими. Несколько таких «сувениров» я взял с собой, они и сейчас лежат у меня в специальной коробочке.

Помнится, рядом с шоссе, идущим вдоль моря, советские специалисты возводили какое-то административное здание — большой бетонный куб. Рядом с ним, как это было принято на наших стройках, красовался железный щит или транспарант с обычной надписью: «Сдадим объект досрочно...». Естественно, на нем была обозначена и дата сдачи объекта, но она стерлась из моей памяти. В марте 1986 г. недостроенный объект выглядел как немецкий рейхстаг в мае 1945 г. В нем держали оборону сторонники Али Насера. Транспарант около дороги уцелел, но из-за многочисленных пробоин выглядел почти как сито. Тем не менее надпись на нем читалась: «Сдадим объект...». При взгляде на это остро осознавалось второе значение слова «сдавать» в русском языке. Нет, никто объект сдавать не хотел, в нем держались на смерть, до последнего патрона, поскольку пощады от противников ждать не приходилось.

В одной из аденских бухточек, на песчаном пляже которой любили отдыхать европейцы и некоторые из йеменцев, тогда

появился еще один знак недавней трагедии. Недалеко от берега застыла большая десантная баржа. Как нам рассказали знающие люди, сторонники Али Насера сделали попытку высадить здесь десант, планируя зайти в тыл противнику. Провести эту операцию скрытно не удалось, баржа была атакована с воздуха, и «удачно» пущенная ракета, мягко говоря, сделала проведение десантирования невозможным.

Однажды мы пришли на этот пляж втроем — М.А. Родионов, А. Кныш (ныне известный арабист, проживающий в США) и я. Полежав на песочке, мы решили сплавать на этот корабль. Несмотря на волновавшееся море, сделать это было нетрудно. Сложней было взобраться на палубу, но с одного из бортов свисала веревочная лестница, и по ней можно было вскарабкаться наверх, что после некоторых усилий и было проделано. На палубе царил полный беспорядок, кое-где валялись куски разорванных оранжевых спасательных жилетов, какие-то другие предметы. В капитанской рубке на проводе раскачивалась телефонная трубка. Зачем-то я взял ее, поднес к уху и скомандовал: «Эй, в машинном отделении! Полный вперед!». А Кныш, услышав такие слова, резонно заметил: «Куда вперед? На тот свет?»

Неуместность моей мальчишеской выходки на этом «корабле мертвецов» показалась тогда столь вопиющей, что и сейчас я вспоминаю о ней со стыдом.

Последний сезон работ СОЙКЭ пришелся на 1991 г., так что, уехав из СССР, мы возвращались в декабре в абсолютно непонятный СНГ. Южный и Северный Йемен к тому времени объединились (точнее, конечно, Южный Йемен был присоединён к Северному в 1990 г.), что поначалу воспринималось как вполне положительное явление. Непродуманность этого мероприятия, однако, привела к попытке отделения южан и очень большой войне, продолжавшейся несколько месяцев в 1994 г.

Памятниками этой войны долгое время стояли остовы сторевавших грузовиков на шоссе, ведущем из Адена в эль-Мукаллу, второй по важности йеменский порт на побережье Индийского океана. Победители-северяне, как бы в назидание побежденным, очень долго не хотели их убирать. Огромное впечатление также оставляла группа танков, которые, вероятно, должны были защитить дорогу на эль-Мукаллу. Воздушный удар превратил эти некогда грозные боевые машины в кучу искореженного металла.

Подобно исполинам из мифических времен, вдруг лишенных всех сил и даже возможности двигаться, они, задржав стволы своих пушек, как бы кричали небу о происшедшей трагедии и, может быть, молили о возмездии.

Эта победоносная для северян война завершилась на подступах к Адену. Линия фронта тогда долго стояла в районе огромного древнего городища Сабир, впоследствии давшего название археологической культуре Йемена, относящейся к бронзовому веку и знаменующей собой, так сказать, восход зари цивилизации в Юго-Западной Аравии [Фогт, Седов, 2001; Vogt, Sedov 1998; Buffa, Vogt 2001]. Раскопки здесь проводились Германским археологическим институтом (Берлин) под руководством Б. Фогта, активное участие в них принимали российские специалисты. В 1996–1997 гг. на этом памятнике посчастливилось поработать и мне.

Перед началом исследований на всей площади городища, естественно, было произведено разминирование. На раскопки мы приезжали по аденскому шоссе, вся поверхность которого на этом участке была покрыта многочисленными «заплатками» на местах разрывов снарядов и мин. Эти следы войны, однако, тогда представлялись (да и сейчас воспринимаются) как вполне обычные, совсем неинтересные. Важней отметить другое: в это время происходили перемены в настроениях людей, находившие выражение в проявлениях новой, незнакомой нам ранее, враждебной для европейцев идеологии.

В Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. были взорваны Башни-Близницы. Почти сразу на видных местах для продажи одежды в Крастере, арабской части Адена, красовались футболки с фотографиями самолетов, врезающихся в нью-йоркские небоскребы; на них крупными буквами была нанесена надпись «Attack to America». Прохожие рассматривали эти художества с явной симпатией.

Помнится, что 10 ноября во время одной из прогулок российских и немецких специалистов по этому району на нас совершил нападение какой-то молодой человек чрезвычайно грозного вида. Мы толком даже не успели понять, чем это может нам грозить. Наши спутники-арабы быстро сумели его оттеснить и увели нас с того места. Время изменилось очень быстро, и город, в котором ничего, кроме дружелюбия, мы ранее не видели, вдруг стал проявлять агрессию, выплескивая в нашу сторону.

В составе археологической экспедиции Немецкого археологического института в 1999 и 2001–2002 гг. мне пришлось поработать также на раскопках городища Джебель аль-Ауд, расположенного высоко в горах, на границе Севера и Юга. Это городище интересно тем, что здесь были обнаружены выдающиеся произведения искусства первых веков н.э., прежде всего, бронзовые античные скульптуры. Некоторые из них изготовлены почти в человеческий рост [Jemen 1999: 387–391, Kat 461–465; Hitgen 1999/200: 247–253, 311–312, Kat. 65М, 66М, 76М, 77М]. Вспоминая эти находки, нельзя не поспорить с бытующим представлением, что эпоха великих археологических открытий уже кончилась. Нет, кое-где она еще продолжается!

В данном случае речь пойдет не об этих открытиях, а о людях, которые участвовали в раскопках — жителях горных селений, окружавших Джебель аль-Ауд, многие из которых принимали участие в боях с южанами. Члены местных племен (*габили*), они были настоящими солдатами, хорошо владеющими и любящими оружие. На работу эти «археологи» приходили с автоматами и развешивали их вдоль забора из колючей проволоки, которой немцы окружают свои раскопы. Такого оформления раскопов я больше нигде не видел и, как представляется, больше не увижу. Закончив рабочий день, *габили* забирали оружие и спокойно расходились по домам.

Право и обязанность владения оружием в йеменских племенах взаимосвязано. Нетрудно заметить при этом, как многие йеменцы любят свои автоматы, украшают их приклады яркими кисточками или аппликациями из бисера. Один раз на раскоп пришел очень нарядный молодой человек — в новой *футе*, пиджаке с лейблом модной фирмы (явно поддельным!) на рукаве, в платке с золотой ниточкой. В общем, «первый парень на деревне». Но он никак бы не мог быть первым парнем без автомата, висевшего за спиной. Обыкновенный «калашников» выглядел совсем не обыкновенно: все его металлические части были никелированными и сияли, как зеркало. И еще одна поразившая меня деталь: в нагрудном кармане его нового пиджака красовался не носовой платочек и даже не цветок, а ручная граната («лимонка»), засунутая туда на манер авторучки, т.е. чекой наружу.

Другой человек пришел к нам совсем не покрасоваться, да и оружие его было другим. Его я издали заметил бредущим по

горной дороге в обычной длинной арабской рубахе белого цвета. Когда этот немолодой человек подошёл к нам, оказалось, что на плече он нес двуствольное ружье, удерживая его за ствол, так что приклад возвышался над головой. Найдя руководителя раскопок Хольгера Хитгена, он обратился к нему с весьма неожиданно прозвучавшей фразой: «*My rocket is empty*». Надо признать, что многие жители этой местности довольно сносно объяснялись на английском языке, поскольку они сами когда-то проживали, а их родственники продолжали проживать в США. Ясно, что этот человек пришел на городище попроситься на работу, но ее, к сожалению, так и не получил, но причиной отказа, конечно, была не эта позабавившая многих двустволка. Сколь-либо серьезный разговор без оружия в йеменских горах вообще не возможен!

Еще эпизод подобного рода. Один из рабочих явно имел весьма скромный доход, что проявлялось в очевидной бедности обедов, которые он приносил с собой на работу, а также в отсутствии сигарет, которые он постоянно «стрелял» у своих товарищей. Он заметил мой интерес к «калашниковым», хотя и вряд ли понял, в чем он заключается. Меня тогда просто занимал вопрос, сколько оружия было импортировано из России и из Китая. Маркировка кириллицей или иероглифами это сразу выдавала. Надо признать, что оружия нашего производства в Джебель аль-Ауд (не берусь говорить за весь Йемен), конечно, больше, хотя стоит оно дороже китайского, и боеприпасы, кстати, тоже. Так вот, заметив этот интерес, рабочий доверительно и даже с гордостью сказал: «У меня дома таких «калашниковых» пять! <...> Сыновья подрастают!».

И это его заявление в полной мере правдиво. Оружие не тот предмет, на котором можно экономить. Это важнее, чем курица или даже пицца! Вот и мальчишки ростом с наших третьеклассников, каждый день приносившие своим отцам обеды на раскоп, приходили с автоматами. Они карабкались по крутым склонам горы, тащили мешочки с пищей, термосы с чаем и т.д., их узенькие детские плечи при этом были перекошены тяжестью оружия, но никто из мальчишек не мог отказаться от этого знака социальной принадлежности и символа мужской чести.

При таком огромном количестве оружия, находящегося в руках у населения, трудно поверить, что оно не так часто стреляет по соседям. Конечно, случаются и убийства, но они всегда грозят

виновнику и его родственникам страшной карой — кровной мстью. Это удерживает горячие головы от необдуманных действий, хотя и не всегда. Наличие кровников у кого-нибудь из йеменских сотрудников экспедиции всегда вносило в работу серьезный элемент напряжения.

Вообще же звуки выстрелов в горных долинах звучат каждый день, и вызваны они отнюдь не возникающими там междоусобицами, а совсем наоборот — радостными событиями, связанными со свадьбами, рождением ребенка, обрезанием сына и т.п. По такому случаю грех не посалютовать! Более того, в такие дни могут проводиться своего рода соревнования стрелков. Где-нибудь на нешироком поле ставится жестяная банка, и мужчины палят по ней из автоматов по очереди. Каждое попадание пули подбрасывает банку вверх, что вызывает бурное одобрение зевак и сопровождается барабанным боем.

Вспоминается такой эпизод, связанный со свадьбой в одной из деревень. Тогда мы жили в школе, в которую местным жителям вход был по существу запрещен, но однажды вечером в дверях столовой стали появляться обветренные, смуглые ребята, которые явно чего-то хотели. Как оказалось, они были намерены показать нам танец, исполняемый по случаю свадьбы. Отказаться от такого предложения было неприлично, и все мы направились на улицу. Там на неширокой площадке стояла группа молодых парней с автоматами за спиной и с характерными йеменскими ножами-*джамбиями* на поясах. Эти ножи имеют широкий изогнутый клинок и тоже являются одним из символов принадлежности к *габиям*. Когда все собрались рядом с площадкой, ударили барабаны, завывли флейты, танцоры пустились в пляс. Надо сказать, что зрелище этого танца в чем-то даже завораживает: танцоры идут по кругу, временами приседая на одну ногу, потом распрямляются, как пружинки, подпрыгивают и поворачиваются в воздухе вокруг своей оси. Оружие при этом не снимается, а извлеченные из ножен *джамбии* просто мелькают в их руках. После завершения представления, кто-то из немецких археологов спросил у его участников:

- Это танец воинов вашего племени?
- Нет, это танец любви!

Ответ был дан с нескрываемым удивлением, и понять его надо было, вероятно, следующим образом: «Как это иностранцы

не могут понять, что так могут плясать только влюбленные мужчины?». Да, подобное понимание в наши головы уже не укладывается.

Теперь более серьезный эпизод. Для охраны городища Джебель аль-Ауд немецкие археологи вынуждены были нанимать небольшой вооруженный отряд из местных жителей, выплачивая им немалые суммы (как во время проведения раскопок, так и после их завершения). Эти охранники, по-моему, были откровенно ленивыми и какими-то развращенными людьми. Целыми днями они сидели в сторожке, построенной из камня на самой высокой точке городища, о чем-то громко беседовали, смеялись, к ним собиралась какая-то празднично шатающаяся мужская публика. В общем, довольно неприятное зрелище. Однажды сверху они заметили человека, идущего по горной тропинке. Человек этот был им знаком, и они решили привлечь его внимание, но криками этого сделать не удалось — сильный ветер делал их совершенно неслышными. Тогда кто-то из охранников снял с плеча «калашникова», быстро прицелился и выстрелил. Пуля попала в камень совсем недалеко от путника, тот сразу нырнул в подвернувшееся укрытие, снял с плеча свой автомат и изготавился к бою. Трудно вообразить, какой восторг у сторожей вызвало это его действие. Тут уж все дружно хохотали, кричали, махали руками, и человек понял, что его не хотят убивать, а просто пытаются поприветствовать. Никогда не забуду звук пули, срикошетившей от камня, который довольно долго эхом отдавался среди утесов. Я тогда подумал: «А если бы за этим человеком шел второй и срикошетившая пуля досталась ему?». Весельчаков, однако, подобная мысль явно не занимала.

Война 1994 г. оставила в окрестностях Джебель аль-Ауд немало напоминаний. Обе враждующие стороны «нашпиговали» землю в тех местах противопехотными и противотанковыми минами. После окончания боевых действий необходимо было произвести разминирование, на помощь йеменцам для этого дела были направлены саперы США, подошедшие к этому делу весьма основательно. Но тут случилось 11 сентября 2001 г., и эти подразделения были отозваны для участия в провозглашенной руководством страны войне против терроризма. Естественно, многие мины остались не обезвреженными, местоположение части из них было обозначено краской на камнях, а над другими даже

были насыпаны настоящие каменные курганчики, в вершины которых были воткнуты доски или большие железки. Признаться, эти конструкции производили весьма странное впечатление, но они спасали местных жителей.

Абсолютных гарантий, однако, никто дать не может. Во второй половине сентября 2001 г., незадолго до нашего приезда на Джебель, одна из мин, заложенная на дороге, взорвалась под колесами небольшого грузовичка, были жертвы. В предыдущем сезоне по этой дороге мы проехали не раз и совсем не представляли, какая опасность нам угрожает. Трудно понять, почему мину не обнаружили саперы, может быть, просто не успели это сделать. Она пролежала в земле несколько лет, по ней проехали десятки, может быть, сотни автомобилей, и все остались целы, а тут случилось несчастье.

Первый раз, поравнявшись с этим местом, мы вышли из машины и осмотрели его. После взрыва на дороге осталась небольшая воронка, по сторонам от которой были куски железа. В яме виднелись какие-то влажные тряпки, среди которых был хорошо заметен красный пластиковый гребешок. Из всего этого месива поднялась стая мух... Да, никто не знает, где его ожидает смерть и где она пройдет от него стороной.

Виноградов Ю.А. Российская экспедиция в Хадрамауте. Полевой фольклор. Освященный крестик. Культура Аравии в азиатском контексте: Сборник статей к 60-летию А.М. Родионова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 290–297.

Наумкин В.В. «Красные волки» Йемена. Национальный фронт в революции. М.: АСТИ-ИЗДАТ, 2003.

Родионов М.А. Голубая бусина на медной ладони. Л.: Лениздат, 1988.

Фогт Б., Седов А.В. Культура Сабир и красноморское побережье Йемена во II тыс. до н.э.: современное состояние проблемы // Вестник древней истории. 2001. № 2. С. 135–151.

Aden's. Aden's Bloody Monday. Aden: Ministry of Culture and Information, 1986

Buffa V., Vogt B. Sabir — Cultural identity between Sabir and Africa // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch. 2001. vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Bonn: Dr. Pudolf Habelt GmbH. S. 437–450.

Hitgen H. Jabal al-'Awd — Ein Fundplatz der Spätzeit im Hochland des Jemen // Im Land der Königin von Saba. Kunstschatze aus dem antiken Jemen. München: Staatliches Museum für Völkerkunde. 1999–2000. S. 247–253.

Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Wien: Kunst-historisches Museum, 1999.

Vogt B., Sedov A. The Sabir Culture and coastal Yemen during the second millennium BC — the present state of discussion // Proceedings of the Seminar for the Arabian Studies. 1998. No. 28. P. 261–270.